

Томаш ГЕРМАНН — Милош ЗЕЛЕНКА
(Прага — Ческе-Будеёвице)

К созданию и интерпретации «Мудрости древних чехов» Р. Якобсона и полемика в чехословацкой эмиграции во время второй мировой войны¹

On the Origin and Interpretation of R. Jakobson's *Moudrost starých Čechů* and the Czechoslovak Exile Polemics during World War II

The paper examines the origin and interpretation of the forgotten monograph *Moudrost starých Čechů* [Wisdom of the Old Czechs], written by Roman Jakobson, the renowned structuralist and member of the Prague Linguistic Circle, in American exile in 1943. Obviously intent on highlighting the importance of Church Slavonic literature for West Slavic nations, Jakobson goes beyond structuralist discourse and through his anti-German attitude contributes to the debate on the sense of Czech history within Slavonic/non-Slavonic Central Europe, i.e. in the geopolitical area between the East and the West. With no less attention does the paper track down the dissenting response Jakobson's work received from the Czechoslovak expatriate community in the USA.

Key words: Roman Jakobson; Russian culture; Russian exiles; structuralism; Czechoslovak literature

В контексте научного творчества Романа Якобсона (1896–1982) специфическое место занимает монография «Мудрость древних чехов», которая вышла в 1943 г. на чешском языке в американской эмиграции. Ее интенсивная полемичность перерастает в идеологию «чехословацкого» патриотизма и национального сопротивления против нацизма. Якобсон, который в апреле 1939 года эмигрировал из превращенной

1 Статью перевела Зденька Мат्यूшова.

в протекторат Чехословакии, после пребывания в скандинавских университетах переехал в 1942 году в Нью-Йорк, где через год стал профессором общей лингвистики и заведующим кафедры чехословацкой истории культуры на Филологическом факультете (Faculté des Lettres) Свободного французского университета (École libre des hautes études). В новых условиях осенью 1942 года на базе Кружка чехословацкой культуры он читал лекции в научно-популярном духе, которые в обработанном виде вышли в 1943 году в приложении к «Нью-Йоркскому вестнику» [RUDY 1990]. Расширенная версия лекций была позднее опубликована под названием «Мудрость древних чехов» с подзаголовком «Извечные основы национального сопротивления» [ЯКОБСОН 1943]. Тогда как название книги повторяет название сборника пословиц, который когда-то «как зеркало поставил потомкам» Я. А. Коменский, подзаголовок подчеркивает актуальный политический акцент и амбиции. Якобсон тем самым внес вклад в длительные дискуссии о смысле чешской истории и культурных традиций в славянско-неславянской Центральной Европе, одновременно он исходит и из своих предыдущих работ («Старейшие чешские духовные песни», «Значение русской филологии для богемистики», «Чешский вклад в церковно-славянскую культуру» и др.), которые подчеркивали значение старославянской письменности в общем славяноведческом наследии [ЯКОБСОН 1929]. Якобсон придерживается в них так наз. «теории моста», т. е. представлений о чешских землях как о географическом и идейном перекрестке, на котором пересекаются самые разнообразные творческие влияния между Западом и Востоком [ЯКОБСОН 1938]. Мысль исследователя о культурном синтезе соответствовала программе Пражского лингвистического кружка, членом-основателем которого Якобсон был с 1926 года. В «Мудрости древних чехов» также появилась открытая полемика с нацистской наукой, недооценивавшей самобытное происхождение и самостоятельность славянских культур [ЯКОБСОН 1939]. Здесь продолжались дебаты сер. 30-ых гг., которые вел Пражский лингвистический кружок вокруг компаративистских работ доцента пражского немецкого университета Конрада Биттнера (1890–1967).

Свое хронологически организованное изложение, разделенное на пять тематических разделов, Якобсон начинает с истории Великой Моравии. Разбор первых литературных памятников («Проглас») дополнен размышлениями о генезисе национального литературного языка как языка церкви под влиянием восточной сферы цивилизации. В княжестве и королевстве Пршемысловичей он критикует стремление немцев овладеть славянским Востоком формой христианской экспансии. В эру Люксембургов он положительно оценивает Карла IV за оживление кирилло-мефодиевской традиции (Эмаузский

монастырь), гуситский символ чаши означает для Якобсона усилие чехов осуществлять богослужбы на национальном языке. В чешской реформации он оценивает труды Я. А. Коменского, Павла Странского, Богуслава Балбина и др., в романтически-реалистическом XIX веке — Я. Коллара, К. Гавличека-Боровского, Ф. Палацкого и исследует их чувство социальной и национальной справедливости как наследие чешской реформации. В конце этого эволюционного ряда он помещает Т. Г. Масарика как чешского протестантского философа и первого чехословацкого президента. Метод Якобсона характеризует высокая степень актуализации и полемичности: исследователь, с одной стороны, ищет «интимные» связи между прошлым и настоящим, с другой стороны, вкладывает в главную нить изложения скрытые и открытые намеки на представителей немецкой, а также и чешской интеллигенции, которые ставили под сомнение восприятие чешской истории как постоянную борьбу славянского и германского принципов. «Мудрость древних чехов» Якобсона — это одновременно и отказ от тех акцентов историков литературы и историков школы Голла (прежде всего Й. Влчека и Й. Пекаржа), которые формирование чешского современного общества выводили из западного потока мысли. Якобсон также полемизирует, прежде всего, с чешским философом Эмануэлем Радлом, который в монографии «Война чехов с немцами» (1928) с позитивной стороны анализировал немецкий культурный вклад, с критической точки зрения раскрывал скрытый чешский национализм в конструкции чехословацкой государственности и преобладающей трактовке чехословацкой истории.

Книга Якобсона вызвала страстную полемику среди некоторых представителей чехословацкой эмиграции времен войны. В спор о «Мудрости древних чехов» включились некоторые выдающиеся интеллектуалы, публицисты и представители искусства: важнейшие статьи, появившиеся в эмигрантской печати того времени, помещены в виде небольшой антологии во второй части нашего издания. Кроме того, эта полемика в условиях войны была связана с многолетним довоенным спором о смысле чешской истории и, таким образом, представляет собой сегодня малоизвестный факт. Спор о смысле чешской истории после 1910 года был сосредоточен вокруг различных толкований решения Масариком так наз. «чешского вопроса» и его исторических предпосылок. Эта тема преобладала и в полемике военных лет о книге Якобсона, хотя и с намного более обостренным вопросом, касавшимся существующей духовной и политической ориентации заграничного сопротивления. Более того, полемика непосредственно опиралась на две конкретные, предшествующие дискуссии тех же самых лиц. Не менее страстную полемику вызвал в 1943 году роман писателя-эмигранта Эгона Гостовского «Семь раз в главной роли» (Нью-Йорк,

1942) о чешском интеллектуале, сотрудничающем с нацистами. Параллельно острый обмен мнениями вызвала также книга Й. Л. Громадки «Дон Кихот чешской философии» (Нью-Йорк, 1943) о недавно усопшем Эмануэле Радле (1873–1942, в Праге), близком сотруднике Громадки в довоенной республике.

Прокоммунистический журналист, а во время войны влиятельный редактор «Нью-Йоркского вестника» — Станислав Будин (1903–1979) — в рецензии на книгу Якобсона восторженно приветствовал и подтвердил ее устремления, написав, что «у нее есть все предпосылки к тому, чтобы стать идеологической базой чехословацкого сопротивления» [BUDÍN 1943]. Он обратил внимание при этом на старания Якобсона доказать, что политика чехословацкого сопротивления не беспорядочна, а происходит из лучших традиций чешского народа и почти непрерывно продолжает линию чешской истории как барьера против немецкости, начиная с раннего Средневековья

Также известный карикатурист и писатель Адольф Гофмайстер (1902–1973), который во время войны был сотрудником Управления военной информации (Úřad pro válečné informace), а с 1944 года — директором чехословацкого вещания «Голоса Америки», положительно оценил книгу за ее противонемецкую трактовку. Он назвал ее «памфлетом», в котором Якобсон лишь временно стал историком, и намекнул, что структура его работы является вызовом для пересмотра и ревизии будущего пути чешских исторических исследований [HOFFMEISTER 1944]. На страницах «Нью-Йоркского вестника» положительно отозвался о книге Якобсона передовой драматург, актер и режиссер — Иржи Восковец (1905–1981), который в то время также сотрудничал с чешским вещанием «Голоса Америки», относящегося к Управлению военной информации. Он оценил общий акцент Якобсона на исконно Чешские земли (Богемию) как на извечного противоборца немецкой экспансии и воспринял текст книги как пропагандистский призыв к бою на стороне свободных народов [VOSKOVEC 1944a].

Против положительного приема книги, хотя и весьма полемично, выступил видный протестантский теолог Йозеф Л. Громадка (1889–1969), во время войны — профессор апологетики и этики пресвитерианского семинара в Принстауне. В чикагском ревью «Гусув лид» он опубликовал уже осенью 1943 года обширную статью «За чистоту второго сопротивления», в которой принципиально отвергает мысль о преемственности восточной византийско-православной традиции в виде языка богослужб и ее значении в чешском братстве и национальном самосознании нового времени. В этом направлении он обвиняет Якобсона в совершенной философской и исторической некомпетентности, считает опыт Якобсона немецкой расовой идеологией вывернутой наизнанку, опыт, абсолютно противящийся смыслу идеи гуманности, выдвинутой Маса-

риком, и в защиту ссылается на Э.Радла, выступая против дезинтерпретации Якобсоном «Войны чехов с немцами», замысел которой после осуществления демократии является по-прежнему актуальной проблемой. На идеологическом уровне он далее констатирует, что широкое принятие книги Якобсона чехословацкими чиновниками свидетельствует о идейном хаосе в кругах второго сопротивления [HROMÁDKA 1943].

К начавшейся дискуссии присоединился в Лондоне на страницах прокоммунистического журнала «Нове Ческословенско» тогда молодой Эдуард Гольдштюкер (1913–2000), по образованию и амбициям являвшийся историком литературы, а одновременно и политиком, в то время служивший чиновником в лондонском министерстве иностранных дел. Хотя он принял благородный замысел Якобсона, но в своей первой статье отверг научный метод Якобсона и подчинение науки пропаганде, а также сведение содержания национальной традиции лишь к сопротивлению против немцев. Во второй статье («Громадка против Якобсона — и Радла на заднем плане») он, хотя и с отрицанием по отношению к религиозным и морализующим импликациям, снова критически выступил по отношению к защите Э. Радла Громадкой [GOLDSTÜCKER 1944a]. Наоборот, будучи историком с протестантской ориентацией, за Громадку заступился Отакар Одложиллик (1899–1973); в своей статье «У нас родилась идеология» он сначала приблизил фоновую сторону полемики, т.е. споры между С.Будином и Й. Л. Громадкой [GOLDSTÜCKER 1944b]. После этого и он замечает, что тезис Якобсона изначально направлен против прозападной ориентации Масарика и что в его акценте на восточную ориентацию скрывается такой тип национализма, который противоречит основной направленности довоенной демократической политики [ODLOŽILÍK 1944a].

Другие реакции отдельных участников дискуссии только обострили взаимные полемичные точки зрения. И. Восковец реагировал статьей «Зачем притуплять собственное оружие?» на критические статьи Громадки и Одложиллика [ODLOŽILÍK 1944b] и напомнил контекст работы Якобсона, которая должна быть «жестким оружием» против своеволия «жесточкого врага» [VOSKOVEC 1944b]. С. Будин в ответе «Не трогайте профессорских немцев» саркастично отражает аргументы Громадки и Одложиллика в пользу гуманизма Масарика и подчеркивает значение протинемецкого национализма в сочетании с просоветской ориентацией [BUDÍN 1944]. Й. Л. Громадка в своем ответе обращает внимание к невыясненным предпосылкам всей дискуссии, в которой защитники Якобсона смешивают научный и политический аспекты, не отвечая на научные аргументы; О. Одложиллик сосредоточился на объяснении своих исторических аргументов, которыми он релятивизирует средневековые контакты с русским Востоком [HROMÁDKA 1944].

Хотя после 1945 года Якобсон на постоянное проживание в Чехословакию не вернулся, он думал о новом дополненном и критическом издании своей книги военных лет. Несмотря на это монография на чешском, а позднее на английском языках как часть «Selected writings» никогда не вышла. Причины состояли в недостатке специализированной литературы, в полемичном, антинемецком направлении книги, которая возникла в сложной ситуации для человека и науки. Якобсон также отдал предпочтение актуализации восприятия истории как этического призыва, направленного в будущее. Сегодня мы можем интерпретировать монографию несколькими способами: как набросок к философии чехословацкой истории и литературы IX–XX веков, как политические прения, поддерживающие чехословацкую внешнюю политику во время Второй мировой войны, как эмоциональную исповедь структуралиста, который в ней пишет «неструктуралистским» способом, или в сочетании с последовавшей полемикой как ситуативное оживление стереотипов в многолетней полемике о смысле чешской истории и о месте чешской культуры между Востоком и Западом. Все же прежде всего она является значительным синтезом вклада Якобсона в историю чехословацкой науки и культуры в межвоенный период.

1101

Библиография:

- BUDÍN, S. (1943): *Historické kořeny naší národní politiky*. Nedělní Newyorské listy (Part Two), s. 1 a 8.
- BUDÍN, S. (1944): *Nesahejte panu profesorovi na Němce! Věk rozumu*, s. 3–6.
- GOLDSTÜCKER, E. (1944a): „*Moudrost starých Čechů*“. Nové Československo (New Czechoslovakia), č. 10, s. 5.
- GOLDSTÜCKER, E. (1944b): *Hromádka versus Jakobson – a Rádl v pozadí*. Nové Československo (New Czechoslovakia), č. 11, s. 4.
- HOFFMEISTER, A. (1944): *Tři české knihy*. Nové Československo (New Czechoslovakia), č. 3, s. 6.
- HROMÁDKA, J. L. (1943): *O čistotu druhého odboje*. Husův lid, č. 12, s. 195–203.
- HROMÁDKA, J. L. (1944): *Ke sporům o „Moudrost starých Čechů“*. Husův lid, č. 6, s. 91–93.
- JAKOBSON, R. (1939): *Český podíl na církevněslovanské kultuře*. In: MATHESIUS, V. (ed.): *Co daly naše země Evropě a lidstvu I*. Praha, s. 9–20.
- JAKOBSON, R. (1943): *Moudrost starých Čechů*. New York.
- JAKOBSON, R. (1929): *Nejstarší české písně duchovní*. Praha.
- JAKOBSON, R. (1938): *Význam ruské filologie pro bohemistiku*. Slovo a slovesnost, č. 4, s. 223–239.
- ODLOŽILÍK, O. (1944a): *Zrodila se nám ideologie*. Husův lid, č. 4, s. 195–203.

ODLOŽILÍK, O. (1944b): *Síla či mdloba?* Husův lid, č. 8, s. 118–121.

RUDY, S. (1990): *Roman Jakobson 1896–1982: A Complete Bibliography of his Writings*. Berlin – New York.

VOSKOVEC, J. (1944a): „Ať zvučí hlas všeliký...“ Newyorské listy, č. 48, s. 3.

VOSKOVEC, J. (1944b): *Proč si tupit vlastní zbraně?* Nová doba (New Era), č. 15, s. 4.

Tomáš Hermann

Department of Philosophy and History of Science,
Faculty of Science, Charles University in Prague,
Prague, Czech Republic
e-mail: hermann@centrum.cz

Miloš Zelenka

Department of Slavic Languages and Literatures,
Faculty of Education, University of South Bohemia in České Budějovice,
České Budějovice, Czech Republic
e-mail: zelenka@pf.jcu.cz

